

Л. ШЕСТОВ

Н. Ф. Федоров *

Федорова (род. в 1828¹ — умер 1903) в Европе совсем не знают. Мало тоже знали его и в России. Но среди тех немногих, которые имели возможность ознакомиться с его произведениями, — было три наиболее замечательных русских человека второй половины прошлого столетия — Достоевский, Толстой и Владимир Соловьев. И все они преклонялись перед Федоровым — и как перед человеком, и как перед мыслителем. Толстой говорил: «Я горжусь, что живу в одно время с подобным человеком». В таком же роде выражался о нем и Достоевский. А Владимир Соловьев, прочитавши присланную ему Федоровым рукопись, писал ему: «Ваш проект (Федоров свою основную идею называл проектом) я принимаю безусловно... Ваш проект есть первое движение человечества по пути Христову». Известный критик Волынский: «Федоров единственное, необъяснимое и ни с чем не сравнимое явление в умственной истории человечества»². Эти суждения достаточно оправдывают желание издателей выпустить новое издание трудов Федорова под общим заглавием «Философия общего дела», приуроченное к 1928 году — столетию рождения мыслителя. К сожалению, несмотря на покровительство Горького³, книги не могли появиться в России и печатаются в Харбине людьми, очевидно не располагающими достаточными средствами для выполнения поставленной ими себе задачи: до сих пор — т. е. за пять лет — из предполагаемых пятнадцати выпусков «Философии общего дела» вышло всего три — так что, по-видимому, на появление остальных выпусков в близком будущем едва ли мы вправе рассчитывать.

* Федоров Н. Ф. Философия общего дела. Вып. I, II и III. Харбин, 1928, 1929, 1930.

Остромиров А. Ник. Фед. Федоров и современность. Харбин, 1928, 1932 и 1933.

Горностаев А. К. Перед лицом смерти (Л. Н. Толстой и Н. Ф. Федоров). Харбин, 1928; Рай на земле (Ф. М. Достоевский и Н. Ф. Федоров). Харбин, 1929.

В краткой заметке было бы очень рискованно излагать идеи Федорова: они до такой степени непохожи на то, что обыкновенно нам приходится читать у философов, что при беглом, и потому по неволе схематическом, изложении легко могут показаться даже смешными. Так, между прочим, и было, когда однажды Толстой попытался в заседании Московского психологического общества ознакомить присутствующих с основными мыслями автора «Философии общего дела». Члены общества смеялись — и Толстой, возмущенный таким отношением, ушел из заседания и сложил с себя звание члена общества⁴. Федоров был и в своем мышлении, и в своей жизни «святым» — т. е. ценил то, чего люди не ценят, и думал о том, о чем люди никогда не думают. Нет ничего удивительного, что он казался многим странным и нелепым чудаком. Странно было видеть человека, который раздавал нуждающимся свое более чем скромное содержание (он получал, как библиотекарь при Румянцевском музее, всего 400 рублей в год), а сам жил в каморке, спал на досках, одевался в лохмотья, почти ничего не ел и т. п. Странно тоже было, что он задумывался над вопросами, о которых никто не хочет думать. Среди его рукописей найдена записка, которая, может быть, до известной степени объяснит нам и его жизнь, и его творчество. «От детских лет сохранилось у меня три воспоминания: видел я черный-пречерный хлеб, которым (говорили при мне) питались крестьяне в какой-то, вероятно, голодный год. Слышал я с детства объяснение войны (на мой вопрос о ней), которое привело меня в страшное недоумение: на войне люди стреляют друг в друга; наконец, узнал я о том, что есть и не родные, чужие, и о том, что самые родные — не родные, а чужие»⁵. Из этого и родилась «Философия общего дела». Федоров считает сущностью христианства догмат о троичности Божества. Смысл же учения о Троице он видит в нераздельности и неслиянности лиц, составляющих Троицу. Люди должны своей жизнью тоже осуществить идею неслиянности и нераздельности. Поэтому задача человечества — есть воскрешение умерших. Все должны думать обо всех, и пока этого не будет, человечество не осуществит своего призвания на земле. Не нужно, как это теперь происходит, в похоти рождать новых людей, нужно в любви воскрешать умерших предков. Соответственно этому и наша наука, которая до сих пор служила только суете, помогая людям приятно устраиваться, должна ставить себе иные цели: не разъединять, а соединять людей. Войны должны прекратиться, и армии, которые организовались в целях взаимного истребления отдельных людей и народов, должны бороться только с одним врагом — слепой силой природы, до тех пор пока не удастся заставить ее не господствовать над человечеством, а покориться ему. Федоров весь был проникнут верой во всепобеждающую силу знания и разума. Знание не должно

ограничиваться чисто теоретическими заданиями, как то было у греков и как то наблюдается у современных ученых, вернувшихся после возрождения к эллинизму. Завет эллинизма сводится к принципу: «Познай самого себя», который Федоров толкует в том смысле, что нужно познавать, т. е. думать только о самом себе. Тоже в исламе, как и в буддизме, Федоров видит лжеучение. Знание должно иметь великую практическую задачу. И эта задача сводится к воскрешению предков и будет тогда полностью осуществлена, когда люди, проникнутые идеей христианской Троицы (получившей свое полное выражение только в православии — католицизм с его filioque и протестантство с его учением о sola fide⁶ являются, по Федорову, искажением христианства), все свои силы отдадут на служение великому «общему делу».

В опубликованных трех выпусках «Философии общего дела» основные идеи уже выражены с большей и меньшей ясностью, но все же, конечно, чувствуется неполнота изложения, которая в некоторой степени пополняется книгами Горностаева и Остромирова, названными в заголовке. Но только в некоторой степени. При всей добросовестности обоих авторов и при всей их благоговейной любви к учителю, в их сочинениях, как то часто, впрочем, бывает у добросовестных и преданных учеников, идеи Федорова проводятся с гораздо большей последовательностью или, вернее, прямолинейностью, чем у самого их творца. Я думаю, что вряд ли Федоров одобрил [бы] Остромирова в его желании сблизить прозрения «Философии общего дела» с новейшими теориями Эйнштейна и Минковского или с учением Фрейда⁷. Я даже сомневаюсь, понравилось ли <бы> Федорову заглавие работы Горностаева «Рай на земле». Правда, и сам Федоров порой сильно преувеличивал значение новых научных открытий и возможных, на основании этих открытий, улучшений условий человеческого существования на земле. Так, например, когда он в 1891 году прочел об опытах регулирования дождя посредством расстрела из мортир туч, ему показалось, что люди уже стоят чуть ли не накануне окончательной победы над равнодушными силами природы. И все же едва ли бы ему понравились слова Горностаева: «Без славы в вышних (атмосферической и метеорологической регуляции и гармонизации) не бывать миру на земле и в человеках благоволению»⁸. Но, повторяю, правоверным ученикам не всегда дано преодолеть соблазн уклона в крайности, которых сам учитель так или иначе умел избегнуть. Может быть, потому тоже Горностаев и Остромиров охотно цитируют таких писателей, как Свенцицкий, Куклярский и Закржевский⁹, и избегают говорить о тех, у которых эти последние учились...

